

Опасные
удовольствия

Яна Розова Стокгольмский синдром

Опасные удовольствия

Яна Розова

Стокгольмский синдром

«Центрполиграф»

2013

Розова Я.

Стокгольмский синдром / Я. Розова — «Центрполиграф»,
2013 — (Опасные удовольствия)

История трагической гибели старшеклассника Олега Окуленко уже двенадцать лет не дает покоя свидетелям событий той ночи и их близким. Распутывать забытое преступление берется Руслан Давлетов, талантливый хирург. Раскрытие этой тайны помогло бы ему разобраться в чувствах, которые он испытывает к Злате, сестре погибшего юноши и жене друга – Вадима Козырева, сумасбродного писателя. Исполняя странные просьбы создателя мрачных фэнтези, Руслан становится невольным участником возобновившейся истории и персонажем очередного бестселлера Козырева.

© Розова Я., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Часть первая	5
2001 год, май	5
Наши дни	8
Злата. Гордость	8
Вадим Козырев. Решимость	10
Злата. Растерянность	12
Злата. Потеря	14
Злата. Провал	14
Злата. Пробуждение	15
Надежда Ивановна. Перемены	16
Злата. Скука	17
Злата. Слезы	18
Злата. Испуг	18
Надежда Ивановна. Новости	20
Злата. Выздоровление	21
Злата. Подозрение	22
Злата. Объяснение	24
Часть вторая	28
2001 год, май	28
Наши дни	30
Лариса. Разочарование	30
Злата. Преследование	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Яна Розова

Стокгольмский синдром

*Литератор привык писать; он научился выражать свои мысли без
натуги и потому сокращает без боли сердечной.
У. Сомерсет Моэм. Подводя итоги*

Часть первая

2001 год, май

В мае солнце входит в силу. Став в апреле плотным и золотым, в следующем месяце оно занято планированием своего летнего режима работы. Никто не знает, что происходит в его огненной голове майскими светлыми днями. Будем ли мы париться, как в сауне, с июня по сентябрь, или в каждый месяц лета нас будет ждать по сюрпризу – ливни в июне, туманы в июле и пекло в августе, – неизвестно. Поэтому май так важен для лета.

Успокаивает только то, что от нас ничего не зависит.

Это раннее утро в самой середине месяца казалось репетицией «жаркого» плана светила. Уже в шесть часов утра температура за окнами гродинцев поднялась до двадцати градусов, что было в фенологическом смысле явлением из ряда вон выходящим.

Семья Окуленко в составе четырех человек – отца, матери и детей-погодков: шестнадцатилетнего Олежки и пятнадцатилетней Златы – проживала в трехкомнатной квартире улучшенной планировки, что означало отдельные комнаты и кухню на метр больше хрущевской. Такая квартира с конца 80-х и до начала строительного бума в 2000-х была причиной великой гордости матери семейства Надежды Ивановны. Что касается хозяина квартиры, то был он своей квартирой горд не менее супруги, но не показывал этого.

Позавчера, в пятницу, Надежда Ивановна и Андрей Михайлович выбрались на уик-энд в город Курортный. Собирались погулять по тенистому парку, попить минеральной водички, снять стресс. Возвращение было намечено на воскресный полдень, с расчетом оставить время на подготовку к грядущей рабочей неделе.

Надежда Ивановна и Андрей Михайлович надеялись, что за время их отсутствия в доме ничего неправильного не произойдет. Но им не повезло.

В этой квартире, в самой большой комнате, на полу спит парнишка лет шестнадцати. Он лежит на спине, закинув голову с темно-русыми коротко стриженными волосами. Его по-мальчишечьи пухлые губы запеклись, под глазами залегли синяки, а на лбу выступила испарина.

Золотой солнечный туман проникает повсюду, овладевая территориями с помощью щупалец – солнечных лучей. В комнатах, выходящих на восток, становится все жарче.

Одно из щупалец – пронырливый лучик – по стеночке подбирается к парнишке близко-близко.

Ради шутки лучик собирается пощекотать его веки, чтобы разбудить. Утро! Нечего спать.

Парень стонет и переворачивается на бок, открывая беспристрастному утреннему соглядаю разводы побуревшей крови, пропитавшей спереди ткань майки и штанов. Лучик задерживается на одно лишнее мгновение перед неприятным зрелищем, но передумывает обходить его стороной и наползает желтым пятном на засохшие пятна и лицо спящего.

Снова застонав, парень прикрывает лицо рукой и там, под клетчатым шатром рукава рубашки, открывает глаза. В этот миг сознание освобождается от тягостных сновидений, в которых оранжевое нечто душило его своими щупальцами.

Отняв руку от лица, сощурившись и скорбно скривив рот, он приподнимается на локте и отклоняется от настырного солнечного луча.

Оглядевшись и потеряв глаза, парнишка начинает понимать, где находится.

– Олежка! – зовет он осипшим голосом. – Где вода?

Олежка, первый и лучший друг Вадика, не откликается.

Вчера хата Олежки была на отвязе, и тут тусовалась половина класса. О том, как вчера было весело, напоминают три пустые бутылки из-под дешевой водки и пять – из-под пива, а также полные пепельницы окурков, перевернутые стулья, монблан грязной посуды на столе, затоптанная прихожая и сломанная кухонная полка, на которой хранились хозяйкины кулинарные книги и тетради с рецептами.

Вадим осматривается, но в голову ему вдруг как будто вбивают дрын, и она болит, болит, болит. И в целом – все не очень: в горле першит, в желудке ворочается нечто отвратительное, отрыжка напоминает о каких-то угощениях, возможно несвежих.

Угощения готовили девчонки, вспомнил парень. Они полвечера шушукались и хихикали на кухне, причем ничем вкусным оттуда не пахло. За это время парни за столом в гостиной, накрытым старой клеенкой, не дождавшись еды, уже солидно приняли за воротник. Пили водку, запивали какой-то химической дрянью типа сладкой газировки.

Потом появились девчонки с блюдом бутербродов, включили музыку погромче – и понеслось!..

Вадим поднимается, и тут приступ тошноты извергает содержимое его желудка прямо на пол, под ноги.

Несколько минут Вадим приходит в себя, глубоко дыша, вытирая слезы с глаз. Он пошатывается в согбенном положении, словно молясь богам алкоголя, чтобы они избавили его впредь от похмельного синдрома.

Вадим выходит из прогретшейся восточной комнаты, принадлежащей Олежке и его младшей сестре Злате.

Он в курсе, что друг и его сестра испытывают большое неудобство от совместного пользования детской. Мальчику не нравится, что дверь в комнату часто бывает заперта изнутри, потому что девочка (видите ли!) переодевается. Девочка считает, что мальчик над ней издевается, приводя друзей. Они ссорятся из-за музыки, полок в шифоньере, времени отбоя.

У мальчика к тому же период полового созревания – по полной программе. Им часто руководят одни только гормоны, превращая его в маленькое вредное чудовище. После очередной выходки ему стыдно, и он снова несчастен.

Девочка свои чувства держит при себе, но брат знает, что она плачет по ночам в подушку. Знает он и причину этих слез: сестра влюблена в его лучшего друга Вадика, а сам Вадик этого не только не знает, но и знать не хочет.

Любовь – это безвыходно, ее можно только пережить, но жилищный вопрос вполне решаем. Только вот родители пока не предлагают выхода из ситуации, ведь переселить кого-то из двоих детей в гостиную означало завалить «зал», как принято называть большую комнату в Гродине, учебниками и скомканным барахлом. Принимать гостей было бы негде. И тогда Надежда Ивановна не могла бы угощать их пирогами с рыбой – своим фирменным блюдом, наваристым борщом на бульоне из рыночного дорогого мяса, люля-кебабами, запеченными в духовке на палочках, и тортами. И не могла бы слушать комплимент за комплиментом, убеждая безруких своих подруг: «Да что там у тебя не получается! Бери фарш и лепи... Ничего не развалится!» Нет, на это старшие Окуленко пойти не могли.

А четырехкомнатная семье не светила. Объединение по ремонту сельхозтехники области, в котором прежде работал глава семьи и где ему выделили трехкомнатную квартиру, уже не существовало, да если бы и существовало, то для расширения площади надо было хотя бы прописать к себе бабушку, как делали другие. И то не всегда помогало.

Вадим бредет по коридору. Впереди – туалет и ванная. Ему туда и хочется, но ближе – дверь в гостиную, откуда до раздраженного обоняния доносится непонятный, но интуитивно знакомый запах. Он сворачивает в гостиную и видит нечто такое, отчего по его телу проходит дрожь. Желудок снова сжимается, в глазах темнеет.

Вадим приседает, становится на колени и таким образом продвигается вперед, к Олежке. Тот лежит в той же позе, что и Вадим минуту назад, его одежда также испачкана кровью. (О крови на собственной рубаше и штанах Вадим даже не догадывается.) Отчего-то ему совершенно ясно, что Олег не спит.

Чуть выше живота майка продырявлена трижды. Именно там крови больше всего, именно оттуда она и растеклась по телу Олега, образовав на полу бесформенную лужу.

Пальцы Вадима касаются щеки друга, и Вадим беззвучно вскрикивает. Ему страшно, он не может поверить, что все происходящее – правда. Он не может поверить, что в его жизни уже ничто не будет так, как прежде.

По квартире Окуленко разносится тихий плач.

Вадим слышит его и испытывает облегчение при мысли, что теперь он должен отойти от мертвого тела, чтобы найти того, кто плачет. Пятясь, он добирается до двери и только там поднимается на ноги.

Он уверен, что всхлипывания доносятся из третьей комнаты, из родительской спальни.

Сделав пару шагов к комнате родителей, Вадим застывает. Перед ним – дверь в спальню, но есть еще двери в ванную, туалет и кухню. Кто скрывается за ними? Сколько человек находится в квартире сейчас и сколько из них живы?

Парнишка невольно сжимается, обхватывая себя за плечи. Он опускает глаза и только тут замечает бурые пятна на груди своей рубашки, на рукавах. Подносит руки к лицу, будто слепой. На его руках кровь.

Новый всхлип из детской словно выводит Вадима из ступора. Он толкает дверь тыльной стороной ладони, дверь распахивается, и парень переступает порог. Его встречает странный звук, будто кто-то пытается кричать с завязанным ртом.

В середине комнаты стоит стул, на нем – совсем юная девушка с огромными заплаканными голубыми глазами. Ее руки скручены за спиной, а рот завязан тряпкой так, что она проходит между зубами, не позволяя девушке сомкнуть губы и крикнуть в полный голос.

Вадим останавливается на минуту, в ужасе рассматривая рваную одежду Златы. Ее грудь почти обнажена, потому что пуговицы на блузке вырваны. Вадим едва замечает эту пикантную деталь, он рассматривает совсем другое – пятна крови на ее одежде. Они все трое в крови: он сам, его мертвый друг Олег и сестра Олега – Злата.

Наши дни

Злата. Гордость

Май 2013 года оказался для Златы удачным в плане карьеры и заработков. Она продала дом, считавшийся в агентстве элитной недвижимости «Студио М» проклятым. На то были основания: статус «срочная продажа» висел на доме уже пять лет.

Недвижимость, которой торговало агентство, называлась элитной, потому что она была по карману только гродинской «элите», то есть людям со средствами. Понятия «аристократия» и «плутократия» в Гродине не различались.

На скалах недвижимости, усеянной костями и деньгами клиентов, Злата слыла опытной сиреной. Она пела, и клиенты, словно замороженные, шли на звук ее голоса. И этот дом хоть и был проклятым, а от продажи не ушел – Злата всегда получала то, что ей было нужно. Она хотела получить свой процент за продажу дома, она его получила. Ее лозунг был такой: «Вижу цель, и нет преград».

Внешность Златы ее характеру никак не соответствовала: блондинка среднего роста, но далеко не со средними внешними данными. У нее была округло-точенная фигурка, красивые ноги, пусть не длинные, но идеальной формы. Цвет ее волос соответствовал имени, а глаза были широко расставленные, огромные и ярко-голубые. Не каждый догадывался, что мысли обладательницы таких вот глаз прочитать непросто. В основном люди думали о ней: «Хорошенькая блондинка и больше ничего». Чем Злата и пользовалась.

Решив однажды избавить базу агентства «Студио М» от проклятого дома, Злата задумалась, почему он не продается, и поняла: все дело в неверной презентации дома.

Каждый риелтор начинал продажу с фразы: «Дом находится в центре города, но в тихом месте». Однако вскоре выяснялось, что место расположения дома, чуть пониже бульвара Менделеева, между цирком и стадионом, находилось прямо возле железной дороги. Учитывая, что железнодорожная ветка до Гродина была тупиковой, поезда проходили здесь нечасто. Но с каким грохотом!

Вторым достоинством дома риелторы называли просторный двор с ландшафтным дизайном. Двор-то был просторным, вот только за те несколько лет, которые дом провел в статусе «срочно продается», весь дизайн скуксился. Сначала зацвел ряской прудик под мосточком, потом почило в бозе какое-то экзотическое дерево, похожее на пальму, и теперь остов покойного дерева наводил тоску. Потом, как водится, заросли клумбы, сломались качели, покривился ажурный каркас беседки, украшавшей полянку за домом.

Некоторых клиентов такая неухоженность ценой в несколько миллионов деревянных отпугивала, но находились упрямцы, желавшие увидеть дом изнутри. Площадь в триста квадратных метров, заметьте.

Риелтор, журча речью, вводил их в тесноватый, забитый псевдостаринной мебелью холл.

Некстати говоря, у прежних хозяев был такой вкус, будто бы их воспитывали в публичном доме. Видимо, поэтому, минуя комнату за комнатой, клиенты складывали в мыслях, буква за буквой, слово, которое обычно произносилось в главной спальне дома:

– Бордель.

Обычно после этого люди покидали проклятый дом, а агентство навсегда теряло очередного жирного клиента.

Злата подошла к продаже дома совсем с другой стороны. В числе своих элитных клиентов она нашла самых лопухих – нувориша в годах и его молодую супругу из семьи удачливых торгашей. Провезла клиентов по десятку домов, но, предлагая эти дома, чуть преувеличи-

вала как цену, так и недостатки. Напоследок она привезла клиентов, усталых и запутавшихся в предложениях, в проклятый дом. На расположение, ландшафтный дизайн и прочее слов тратить не стала – глаза есть, пусть смотрят.

Цену изначально назвала на миллион больше настоящей, но потом уточнила:

– Дом этот срочно продается, так как хозяин уезжает за границу. Поэтому он дешевле других. И хозяин готов еще миллион скинуть...

Известие о скидке освежающе подействовало на измученную пару, они осмотрели дом и попросили время подумать. Но на это Злата не дала им времени, о чем и рассказывала теперь на корпоративной вечеринке своим коллегам:

– Ближе к вечеру – перезваниваю. Ну, говорю, хозяин дома раскаивается, что пошел на скидку. До утра он подождет вашего решения, говорю я покупательнице, а завтра уже повысит цену! И вы же понимаете, говорю, цена на недвижимость растет с каждым месяцем. Это сейчас затишье, люди ждут результатов выборов, а потом все цены взлетят! – Злата перевела дух. – Всю ночь я думала: откажутся или нет? А утром звонит клиент. Говорит: покупаю!

Минуту спустя она оставила коллег в зале и вышла в фойе, чтобы позвонить мужу. В фойе оказалось шумно. Злата понадеялась, что сможет поговорить в дамской комнате, но музыка, как радиация, пронзала здание ресторана насквозь. От нее не было спасения даже в кабинках туалета, будто администрация боялась, что если посетитель окажется на минуту в тишине, то решит удрать из заведения, не заплатив.

Рассеянно глядя на свое отражение в огромном зеркале над раковинами, Злата пыталась успокоить мужа:

– Привет... Тридцать пропущенных звонков от тебя... Ты в порядке?... Я знаю, что полнотелее... В холодильнике есть вареная колбаса, как ты любишь, и в хлебнице – белый хлеб. Давай ты поешь, примешь таблеточки и ляжешь спать?... Скоро вернусь, скоро...

Она поправила прическу и вернулась в зал.

Анька, самая давняя сотрудница Златы, встретила ее обеспокоенным взглядом:

– Ты чего?

– Да так... – ответила Злата.

– Муж?

– Ну... – Злата достала сигареты. Она уже каялась, что когда-то рассказала коллеге, с которой ее не связывали дружеские отношения, о мужниных проблемах.

Она вообще старалась о нем ничего не говорить. Стоило только упомянуть, что Вадим Козырев – писатель, как тут же следовал вопрос: как много денег приносит эта странная профессия? Похвастаться было нечем, особенно в последнее время, когда Вадик впал в депрессию и перестал издаваться. Злате приходилось выдумывать обтекаемые варианты ответа: «Он еще начинающий писатель» или «Сейчас книжный рынок не процветает». Но практичные родственники на это не покупались: очевидно же, что если писатель мало зарабатывает, то он – плохой писатель.

* * *

– Я хочу вручить Злате Козыревой грамоту «Лучший риелтор года»! – объявила Марина Марская, Златин директор и владелица агентства недвижимости «Студия М».

Самой выразительной частью Марининого тела была ее грудь, она словно бы говорила за Марину, вместо лица выражая все ее мысли.

– Если Злата ставит цель, – продолжила Марина, указывая бюстом на Злату, – то она ее добивается. За Злату я испытываю гордость как за лучшего своего сотрудника. В общем, учитесь, девочки, Златочка ведет по десять сделок в месяц, у нее самые сложные объекты,

и она приносит компании больше всех денег. Вот такая золотая наша Злата! Я желаю тебе, Златочка...

Марина, дрожа огромной грудью от избытка чувств, продолжала чествовать Злату, но та уже думала о другом. Она очень ждала этой вечеринки, ждала своей славы, а теперь не могла отвлечься от мыслей о муже.

Вадим Козырев. Решимость

Вадим стоял у окна темной квартиры, глядя на кусок ночного неба, в котором белело круглое пятно луны. Он вспоминал полнолуния, которые видел в своей жизни прежде – в горах, на море, за городом. Вадим хранил эти воспоминания как самое лучшее, что было в его жизни. А здесь, в городе, полнолуние казалось тусклым, словно выцветшим.

Писатель отошел от окна и устало опустился в кресло.

Полнолуние было большой темой автора романов в стиле фэнтези Вадима Козырева. Его редактор мягко намекал ему, что, может, уже хватит без конца описывать эту самую полную луну и другие спутники несуществующих планет – розоватые или фиолетовые, в зависимости от фантазии автора. Вадим объяснял ей, что иначе он не может...

Один из первых персонажей Вадима, его «серийник», Принц Сталья (ударение на «я») обладал способностью ощущать лунный свет кожей. Вадим придумал ему эту особенность случайно, точно в такой же, как и сейчас, момент, глядя на унылое городское полнолуние.

Сначала эта особенная чувствительность к лунному свету не играла в сюжете особой роли, но потом Вадику удалось ее использовать. Раненный в бою Принц Сталья ослеп, его захватило в плен вражье племя Кизурава. Принц оказался заточен в каменный каземат с единственным окошком у самого потолка, ему грозила страшная смерть.

Прекрасная Фея Аталз смогла передать Принцу, что в каждое полнолуние стражники-кизуравцы, охранявшие его каземат, собирались на свою ритуальную пирушку. С помощью шифра Фея Аталз передала Принцу Сталье (ударение сохраняем на последней гласной) заклинание для запоров его каморки, но произносить его можно было только в полнолуние.

И вот каждую ночь Принц Сталья становился под окошком своего каземата и ловил ладонями лунный свет, ожидая того момента, когда он кожей почувствует почти правильный круг света. Наконец это произошло. Сталья произнес магическую формулу и освободился из каземата. А потом и прозрел с помощью чудодейственной мази, приготовленной прекрасной Аталз.

Вадим никогда не пытался понять свою страсть к полной луне. Он просто любил смотреть в круглое лицо небесного тела, его радовал этот мерцающий холодный свет.

Для читателей Вадим Козырев придумывал гораздо более цветистые объяснения. В своих интервью он говорил, что полная луна – последний оплот света в ночной мгле. Тьма пожирает луну раз в месяц, но луна отвоевывает свое неустанно, раз за разом. Иногда Козырев сочинял еще что-нибудь романтическое на эту тему, но правды не говорил никогда.

Второй фишкой писателя Козырева были описываемые им в каждом новом романе порождения той самой тьмы, которой противостояла луна. Монструозных тварей он создавал очень убедительными, очень пугающими. Их тела пульсировали и змеились, их лапы когтями впивались в тела жертв, а зубы рвали плоть. Остановить их было невозможно, они воплощали в себе вечное зло.

А вот про чудовищ Вадим никогда ничего не говорил, ни в каких интервью. Он знал, что описывает их умело, потому что хорошо понимает природу ужаса.

В издательстве тоже считалось, что описания ужасов и приключений у Вадима Козырева получаются великолепно. Он был лидером продаж в жанре фэнтези пять лет подряд. Правда, с тех пор прошло уже полтора года.

Слишком ранний успех вреден для писателя, считал редактор Вадима. Козырев не спорил с ним, так как его мысли были заняты другими проблемами. Но отчасти – даже не будь в жизни молодого писателя этих самых других проблем – редактор был прав.

Вадим Козырев едва успел окончить филологический факультет местного университета, когда вышла в свет его первая книга. Еще не о Принце Сталье, а о монстрах Золотой Галактики, с которыми сражались пять отважных друзей-рыцарей. Межгалактических рыцарей, если кому-то непонятно. Сюжет был запутан до крайности, персонажи выражались исключительно штампами, законы физики (земной и небесных тел) попирались, а язык романа был тяжело-весен и претенциозен. Но на волне популярности фэнтези Козырев был встречен читателями совсем не плохо.

Успех пошел на пользу – уже следующий роман, начинавший трилогию о Принце, во всех смыслах стал шагом не только вперед, но и вверх. Стиль молодого автора изменился в лучшую сторону, персонажи ожили, сюжеты стали стройными и логичными.

Постепенно вышла вся серия о Сталье: два отдельных романа и сборник рассказов. Каждая книга была переиздана в твердой обложке и неплохим тиражом, сюжет одной повести был взят в качестве основы для сценария полнометражного художественного фильма, а издательство предложило Вадиму Козыреву собственную серию.

Именно в этот момент Вадим забил на все.

Казалось бы, нет причин для застоя. Гонорары стали оправдывать вложенные труды, его имя прозвучало – если и не в высоких литературных кругах, то уж на форумах поклонников фэнтези точно. Вадим Козырев со своим Стальей попал в тройку самых обсуждаемых в Рунете авторов. Читатели писали ему письма, его интервью появлялись уже и в федеральных изданиях...

Кое-что в последнее время он все-таки написал. Это было не фэнтези, скорее роман ужасов в стиле Стивена Кинга. Причем Вадим сделал два варианта своего романа. Один писался только ночами и еще в феврале отправился в издательство. А второй он доработал только вчера и никуда отправлять не собирался. Это был вариант романа, написанный строго к случаю, уникальное нетиражируемое произведение для одного-единственного читателя.

Вадим обернулся к луне, чтобы взять с подоконника свой мобильник, и снова набрал номер жены. Она не отвечала. Это был тридцать третий его звонок на ее номер за эти несколько часов.

Если бы Злата ехала в такси, то услышала бы свой мобильный. Звонком у нее служила песня про небеса. Кажется, Меладзе. Вадик не раз потешался, услышав протяжное и приторное «Небеса-а, моя отрада», и отзывался:

– Да, Господи, слушаю тебя!

Злата никогда его веселья не разделяла. К музыке и религии она относилась трепетно.

Вадик отключил мобильный, подошел к турнику, закрепленному в узком коридоре – от стены и до стены.

Веревка была уже привязана.

Вадик снова набрал номер телефона Златы.

– Вадя, я еду! – ответила она, не дожидаясь его вопроса. – Еду, жди!

Он прошел в комнату, взял приготовленные заранее блокнот, ручку. Написал строки, проверенные сто раз:

«Снова полнолуние, я больше не могу. Злата, прости меня за все».

Посмотрел на часы, положил записку на середину полированного журнального столика. Злата была аккуратисткой, столик был натерт полиролем так, что его поверхность мерцала в полутьме, словно маленькое озеро.

Он вышел в коридор, ощущая легкий страх, тревожное ожидание перемен. Подошел к турнику, скинул тапки, встал на обувную тумбочку.

Злата. Растерянность

Таксист Злате попался из категории Шахерезад, то есть разговорчивый. Злата таких не любила: он болтает абы что, а ты сиди и слушай – удрать-то некуда! Попросишь помолчать – начинает дуться, комментировать, умничать. Так получилось и на этот раз.

– А я ваш адрес увидел, вспомнил, что кум мой тут проживает. – Голос у водителя был тошнотворно-высоким, и он притом еще и шепелявил. – А кум-то у меня сильно болеет после того, как жена его бросила. Хорошо жили, а тут она кого-то нашла. Дитя куму подбросила – и сбежала! Дочку! А что с дочкой сделать? Как ее воспитывать без матери? – Водитель раздражался все сильнее. – Вот, девушка, вы объясните мне, что за новости: баба дитё бросает мужу, а сама – к другому!

– Да я откуда знаю? – огрызнулась Злата.

– Ну ты же женщина! Что у вас там, в головешках, происходит? С каких это пор вы от нормальных мужиков уходите?

– Я ни от кого не уйду.

– Но ты же должна понимать!..

– Не тычьте мне, – отрезала Злата. – И отстаньте. А то я в вашу фирму позвоню и скажу, что вы меня оскорбляете.

– Да я не оскорбляю, – обиделся таксист. – А жаловаться – это вы все умеете! Вам плевать, что я целый день пашу за копейки! Вы все...

Зазвонил Златин телефон, и она тут же забыла о водителе. Поговорив с мужем,скомандовала:

– Здесь сверните направо и вот у этого дома остановитесь!

Расплатившись, вышла из машины.

Вдохнув воздух, в котором ощущались смешанные ароматы сирени, уже опавших цветов вишни, свежей травки на газоне и вечерней сыроватой прохлады, Злата посмотрела вверх, на окна своей квартиры.

Они были темны. Вадик только что звонил, вспомнила Злата, неужели он уже спит?

Поднимаясь на третий этаж, она мечтала скорее разуться. Туфли, которые она выбрала сегодня для похода в ресторан, были куплены еще осенью, но разносить их было некогда – туфли на высоком каблуке, а у риелторов работа как у бешеной собаки: семь верст не крюк.

Она уже прошла площадку второго этажа, когда дверь за ее спиной скрипнула. Злату это не напугало – она знала, что скрипит дверь Руслана Давлетова, ближайшего Вадькиного приятеля и соседа.

– Пр-ивет, – сказал Руслан голосом сказочного разбойника. – А где Вадим?

– Дома, – ответила Злата.

Она знала, что нравится Руслану и что он скрывает это как может. Руслан был старше их с Вадимом лет на семь или восемь, хирург по профессии, работал в областной больнице и высоко ценился больными и начальством, поэтому времени на совращение жен своих друзей у Давлетова совсем не оставалось. При любой другой профессии, чувствовала Злата, Русик уже бы начал приставать. Если бы она позволила, конечно.

– Я в дверь звонил, но он не открыл. На мобильный позвонил – трубку не берет. Почему?

– Не в настроении, – пояснила Злата, – полнолуние.

Руслан был в курсе Вадиковых заморочек, а писательскими гонорарами никогда не интересовался, поэтому Злата была с ним откровенна.

Между коленями Руслана просунулась рыжая голова эрдельтерьера по имени Шухер. При всем своем равнодушии к собакам Злата Шухеру симпатизировала, потому что он не лаял без дела, не вонял псиной и не лез к ней лизаться.

Злата улыбнулась собаке и направилась по лестнице вверх.

– Можно я на минутку к вам зайду? – затарахтел Руслан у нее за спиной. – Шухер, ждать!..

Злата, не отвечая, продолжала подниматься по ступенькам. Она слышала, что сосед захлопнул дверь и потрусил за ней следом, рот у него не закрывался:

– А он у меня вчера болторез взял. Говорит, надо турник починить. Турник, говорит, на одной подставке едва держится, вот-вот на голову свалится... А мне надо в операционной дверь починить. Двери у нас сменили, но новые оказались хуже старых. Мало того что перекошены эти двери, так еще и ручка отвалилась. Изнутри. Завхоза не дожدهшься, так что я сам решил...

Под звук его речи Злата отперла замок, открыла дверь, шагнула в квартиру. Привычным жестом протянула руку и нажала на клавишу выключателя. Над ее головой вспыхнул свет, и почти в тот же момент Руслан сказал над ее головой:

– Неси нож!

Вадька висел в петле, слегка покачиваясь. Его лицо было перекошено, глаза вылезали из орбит, он хрипел. Руслан бросился к нему и подхватил его тело так, чтобы веревка, привязанная к починенному турнику, провисла. Одной рукой он расслабил удавку.

Злата как-то очень быстро сориентировалась, будто робот, получивший команду. Она метнулась за ножом, вспрыгнула на тумбочку и стала резать веревку над головой мужа.

– Сейчас, сейчас, – твердила она.

Веревка поддалась, Руслан исхитрился удержать тело Вадика и не свалиться вместе с ним. Он опустил друга на пол, стащил с его шеи веревку. Склонился к лицу Вадика, вдохнул ему в рот глоток воздуха.

– Давай, – скомандовал он тем тоном, которым привык распоряжаться на операциях, – дыхание, пульс... А я в скорую позвоню!

Злата опустилась на пол рядом с мужем. Вот теперь ей стало страшно.

– Это невозможно, – сквозь слезы сказала она Давлетову, прибежавшему из кухни с телефоном в одной руке и маленькой подушкой-думкой в другой. – Я все делала, чтобы он счастлив был! Я покупала ему то, что он любит. Сам посмотри в холодильнике! У него не было никаких причин...

– Злата, не надо, – мягко попросил Руслан. – Сейчас мы его в мое отделение отвезем, я побуду с ним.

– И я...

– А ты завтра придешь. – Давлетов снова вернулся к своему командно-хирургическому тону. – Сейчас – спи!

Тон его Злату не напугал. В секунду переодевшись в джинсы, она встретила команду скорой помощи и вместе с Русланом отправилась в больницу.

Полночи она просидела в унылом коридоре перед отделением реанимации, до тех пор, пока не пришел Руслан, который сказал:

– Состояние стабилизировалось. Поезжай домой.

Дома она умылась, почистила зубы и легла в постель. Уснула сразу же, без минутного промедления.

Злата. Потеря

Она открыла глаза в двенадцать часов дня и, может, проспала бы еще дольше, но звонил телефон.

– Руслан? – угадала она.

– Злата, ты должна очень внимательно меня выслушать, – услышала она голос Давлетова. Его тон уже сказал ей все, но поверить вот так, сразу, она не могла. – Вадим умер пятнадцать минут назад. Реанимационные мероприятия оказались безрезультатными. Причину смерти мы узнаем позже. Ты слышишь меня?

– Да, – прошептала Злата.

В больнице она оказалась через сорок минут, большую часть этого времени потратив на поиск документов Вадика.

В коридоре больницы, подведя вдову друга к огромному окну, Давлетов спросил у нее:

– Скажи, не было ли у Вадика в прошлом травм головы?

– Почему это важно? – спросила Злата, в основном с целью потянуть немного времени, чтобы собраться с мыслями.

– Мы с тобой вытащили его из петли, но пока был перекрыт доступ кислорода к мозгу, случилось что-то непоправимое, и поэтому он умер. Я не буду тебя загружать терминами, скажу только, что недостаток кислорода во время удушения спровоцировал разрыв сосуда. Вскрытие...

Злата ахнула.

– Это необходимая процедура, – терпеливо объяснил Руслан. – Так вот, теперь ясно, что умер он от этого разрыва сосуда. К сожалению, предвидеть такое мы не могли.

– Не может быть, – прошептала Злата. – Не может этого быть!

– Так были травмы? – вернулся к своему вопросу Руслан.

– Я не знаю, – ответила Злата.

– Думаю, что были, – заключил Руслан. – Это объяснило бы его смерть.

На обратную дорогу Руслан вызвал для Златы такси.

Злата. Провал

– Вам в район химзавода? – спросил водитель.

– Да.

На этот раз Злата уселась на заднее сиденье. Она не хотела, чтобы таксист мог видеть ее лицо и стал задавать вопросы.

В дороге, глядя на дома, машины, зеленеющие кроны деревьев, Злата немного успокоилась. Провожая ее, Руслан вручил пузырек с успокоительным. Сказал, что средство это очень сильное, принимать его нужно осторожно. Сейчас Злата вертела пузырек в руках, размышляя, что произойдет, если она проглотит одну желтую капсулку прямо сейчас.

– Как жарко в этом мае, – произнес водитель. Оказывается, и этот был не прочь поболтать. – Вот я помню, десять лет назад то же самое было! Двадцатое мая, а солнце шпарит как в августе! А я как раз женился в том мае...

Он говорил и говорил. О своей дурацкой свадьбе, о красной от солнца и переживаний невесте, обливающихся путом гостях, о тающем торте, вялых официантах, скисающих прямо на столе продуктах.

В любое другое время Злата осадила бы его – живо бы заткнулся! Но сейчас у нее не было никаких сил. Она лишь достала из пузырька капсулу и проглотила ее всухую, запрокинув голову.

– А тут еще заливное теща на свадьбу сготовила! – продолжал таксист. – Оно за три минуты на столе стало супом! Теща понеслась по столам собирать заливное, в холодильник его запихивать, потом снова достала, расставила, а оно снова потекло! И она...

Злата достала вторую таблетку.

Такси свернуло на объездную, солнце липким пятном пристало к коленям Златы, обтянутым джинсовой тканью. От духоты и болтовни таксиста ее слегка подташнивало. Отодвинувшись от окна, она глянула в зеркало заднего вида. Водитель поймал ее взгляд. Он уже рассказал одну историю, а теперь искал повод начать вторую.

Машина выехала на объездную дорогу, проходившую через лес. В окно сразу же дохнуло лесной прохладой. На небольшом мосту через речку Грязнушку, значительно обмелевшую в этом засушливом году уже к маю, машина всхлипнула, потеряла скорость и заглохла. В последние мгновения движения водителю удалось пристроиться у ограждения моста.

– Что случилось? – спросила Злата.

Водитель чертыхнулся, вышел из машины, полез под капот.

– Помпа сломалась, – объявил он, заглянув в окошко задней дверцы.

– И что теперь?

– Вызову вам другую машину и буду чиниться.

Злата откинулась на спинку сиденья, ее веки отяжелели. Сквозь дрему она слышала, как водитель что-то говорит в трубку телефона, крутится вокруг машины, открывает и закрывает дверцы, багажник, капот.

Последовавшие за этим пять часов она провела в состоянии глубокого темного сна.

Злата. Пробуждение

– Ты как? – спросил Руслан.

– Что случилось? – удивилась Злата. – Почему я не могу двигаться?

Она увидела себя на больничной кровати. За окном вечерело.

– Злата, ты попала в автомобильную аварию.

– Как это? Когда? – забеспокоилась она. – Я ничего не почувствовала! Мы стояли на дороге, у нас что-то сломалось!..

Руслан объяснил ей терпеливо и при этом обеспокоенно:

– Ты приняла успокоительное, так? Вот и не почувствовала. Твое такси стояло на обочине, ты спала на заднем сиденье, водитель копался под капотом. Тут на дорогу выскочил грузовик, его водитель, как это теперь говорят, не справился с управлением. Врезался в такси и столкнул его с моста в воду. Водитель успел отскочить, а ты пострадала. Машина несколько раз перевернулась, пока катилась, и стала на колеса в грязи у речки. У тебя перелом берцовой кости со смещением, я сделал небольшую операцию. Есть несколько ушибов, легкое сотрясение мозга. Но все будет хорошо.

Пришел июнь, Гродин утопал в солнечном свете. По утрам город блестел мелкими лужами, оставленными поливальными машинами, аплодировал легкому вечернему ветерку зелеными ладонями тополей на бульваре.

Горожане жаловались на жару, продавцы кондиционеров раскупили все путевки на Мальдивы, девушки заголились, провоцируя аварии, все мечтали о дожде.

И только монохромные дни Златы, пусть и в одноместной палате с кондиционером, холодильником, гостями каждый день и прочими послаблениями, организованными Русланом Давлетовым, были тягучими и кислыми на вкус, цвет и запах.

На второй день пребывания Златы в больнице Давлетов сообщил ей, что Вадима Козырева похоронили. Организовал похороны и поминки Руслан вместе с друзьями Вадика.

Злата выслушала его, удивляясь, что не чувствует почти ничего. Только разочарование от того, что годы, которые они с мужем провели вместе – а ведь началось все еще со школьной скамьи, – завершились ничем.

Надежда Ивановна. Перемены

Мама Златы приехать на похороны зятя и к дочери на помощь не смогла. Она уже несколько лет жила в Испании, а оттуда вмиг добраться до российской глубинки было непросто. Зато мама звонила по скайпу каждый день, волновалась, хлопала крыльями. Злата не знала, как сказать маме, что она в ней не нуждается. Они никогда не были особенно близки, а после того, как мама исчезла много лет назад, Злата и вовсе потеряла необходимость в ее опеке.

Мама стала меняться после смерти сына, ровно десять лет назад. Ей больше не хотелось печь пироги и хвастать перед гостями улучшенной планировкой своей квартиры. Она стала читать гороскопы, ходить на приемы к каким-то то ли ясновидящим, то ли ясновыслушавшим, а также лекарям, экстрасенсам, гадалкам и прочим проходимцам.

Тут как по заказу стал болеть и слабеть отец Златы. Что с ним происходило на самом деле, никто никогда так и не узнал, потому что настоящие врачи этого пациента так и не увидели, а знахари сумели свести его в могилу всего за полгода.

Организуя очередной этап убийственной борьбы за здоровье своего супруга, Надежда Ивановна познакомилась с типом, называвшим себя энергооператором. Энергооператор считал, что болеют люди из-за притяжения земли. Он «лечил», оперируя своей уникальной антигравитационной энергией, дарованной ему Богом, причем лечил любые болезни разом.

Энергооператор обладал некоторой харизмой и был мастером художественного вранья, что позволило ему обаять с десятков умственно расслабленных и ищущих заполнения пустотам в своей судьбе дамочек. Рассказывал он – причем всякий раз и всем, кто к нему приходил, – скабрёзно-хвастливую историю о том, как под воздействием его чудесной энергии обвисшие, как уши спаниеля, груди одной немолодой дамы освободились от земного притяжения и сосками вознеслись к небу. Даме это так понравилось, что она привела подруг, но с каждой грудью такое не прокатывает, сетовал энергооператор, ему нужен специальный настрой.

Некоторое время этот балабол был очень популярен в Гродине, но даже в роли плацебо так никому и не помог. Доказательством тому послужила и кончина отца Златы. Адептки энергооператора одна за другой оставляли его, находя новые суррогаты настоящих увлечений. И только Надежда Ивановна, выбитая из колеи несчастьями, свято верила в дар этого жулика. Их связь обрела форму постоянной и продолжилась.

Окончательно потеряв авторитет лекаря, энергооператор предчувствовал, что скоро его станут бить. Предчувствие подтолкнуло к решению покинуть родину. Оказалось, что его первая жена была этнической немкой, она проживала в Германии и по доброте душевной согласилась принять бывшего супруга, только за проезд и пропитание он должен был платить самостоятельно. Денег у мужика не было, вся надежда оставалась на Надежду Ивановну. Он обрабатывал ее день и ночь самыми разными способами, в итоге бедняжка продала свою улучшенную квартиру и уехала с ним в Германию.

К счастью для Златы, к тому времени она уже вышла замуж и жила с Вадимом в его квартире, то есть непосредственно от маминого закидона не пострадала.

После этого Надежда Ивановна надолго пропала из жизни дочери.

Первое письмо от матери Злата получила только три года назад. Из него следовало, что теперь мама живет в Испании, она замужем за фермером, они растят апельсины. Вскоре наладилась и связь по скайпу. Злата увидела, что мама хорошо выглядит: казалось, из нее испари-

лось все лишнее, оставив только суть – сильную, но наивную, взбалмошную, но стремящуюся к равновесию. Она похудела, перестала высветлять волосы пергидролем, загорела, наплевала на морщины и забыла о косметике. Носила удобные и яркие вещи, соломенные шляпы и мокасины. В ней появилась уверенность в завтрашнем дне, что отражалось в глазах и осанке. Словом, Надежда Ивановна словно бы очистилась и возродилась...

Постепенно связь между матерью и дочерью наладилась, Надежда Ивановна даже приезжала домой погостить. Она очень раскаивалась в том, что натворила после смерти сына и мужа, дарила Злате платья, украшения, перечисляла деньги, ходила на могилы родных. Об энергооператоре предпочитала не вспоминать.

Злата. Скука

Злата ворочалась на кровати, пытаясь принять хоть какое-то новое положение. Свободную от гипса ногу она уже и сгибала, и подворачивала, и даже свешивала с края койки, но от этого давление на поясницу не ослаблялось.

Нога в гипсовом скафандре чесалась и ныла, нервируя Злату. Одна опытная подруга принесла ей спицу, чтобы доставать до всех зудящих мест. С помощью спицы Злата шуровала под слоем ваты, рефлекторно кривясь, как собака, расчесывающая укусы блох.

Она жаловалась Руслану на боль, на скуку, на зуд, а он только пожимал плечами: что делать?

Зато с полным сочувствием относилась к Злате симпатичная медсестричка Лариса. Двадцатилетняя девчонка, она обладала сильнейшим материнским инстинктом, видя в каждом больном ребенке, нуждающегося в заботе. Все молодые женщины у нее были «красавицами», тетенок постарше Лариса называла «матушками», особо полюбившихся пациентов и коллег – «кукусеночками».

Вдова самоубийцы Злата со своей загипсованной выше колена ногой сразу же стала «кукусеночком», что одновременно злило ее и смешило. Через пару дней Злата привыкла к дурацкому словечку, перестав его даже замечать.

Давлетов считал своей святой обязанностью посещать вдову друга ежедневно. Он приходил улыбаясь и всегда с новой шуткой-комплиментом:

– А ты сегодня свеженькая!

Или:

– А как поживает наша хорошенькая сломанная ножка?

Или:

– Хорошая примета: глазки сияют, значит, все будет хорошо!

Или даже:

– Жаль, что ты тут не останешься навсегда! Ты – просто украшение этой больницы.

Руслан видел, что Злата вовсе не считала этот легкомысленный тон уместным. Она горевала и уважала свое горе, требуя того же и от окружающих. Если Руслану и удавалось ее расшевелить, то после он бывал наказан прохладным обхождением часа на два.

Скучая, Злата не могла не заметить, что доктор Давлетов и молоденькая медсестра Лариса связаны более тесными узами, чем просто служебные отношения. Злата развлекалась, наблюдая за ними, не сознавая, что ее интерес к парочке растет и приобретает все более пряный вкус с оттенком ревности.

Лара казалась Злате такой простушкой, а Руслан все же представлялся ей интересным мужчиной. Ростом он был чуть выше Вадима, широкоплечий, с сильными руками. В манерах, повадках и походке он сохранил некоторую подростковую неловкость, словно бы до сих пор не ощущая себя взрослым человеком с серьезной профессией. Его насмешливые карие глаза

и черные волосы в сочетании с именем и фамилией намекали на кавказские крови, при этом ни речь, ни поведение доктора не подтверждали этих намеков.

Вполне вероятно, предполагала завалившаяся на больничной койке Злата, Руслан был хорош и как любовник...

Злата. Слезы

В один жаркий июньский день Руслан появился в палате Златы в настроении совсем не игривом. Случилось это вечером, после ужина, когда санитарка унесла из палат лежащих пациентов пустые тарелки, а Лариса уже раздала и забрала термометры.

В Златиной палате, выходящей на запад, скопилось лишнее тепло, которое Руслан решил выпустить в атмосферу, приоткрыв форточку.

– Не забудь закрыть, когда будешь уходить, – сварливо напомнила ему Злата.

Он сел на табуретку возле ее кровати. В больнице ощущался дефицит нормальной человеческой мебели.

– Послезавтра мы, возможно, отпустим тебя домой, – сообщил он.

Злата смотрела на него, ожидая какой-нибудь новой шутки, но он не собирался шутить.

Он искал слова, чтобы начать непростой разговор. Наконец они нашлись:

– Злата, Вадим был мне другом последние годы. Я любил его книги, прочитал все. Мы общались чуть ли не каждый день, хоть словом, но перекидывались. И я ума не приложу, как с ним могло случиться то, что случилось?

Взгляд Златы холодел с каждым его словом.

– Ты хочешь, чтобы я тебе объяснила?

Он смутился, но разговор не прекратил:

– Мы с тобой, Злата, должны понять, что с ним произошло.

– Я не знаю...

Она вдруг поняла, что плачет.

– Я не говорю, что ты можешь знать. – Голос Руслана настроился на нужную тональность: мягкую, но решительную. – Надо вспомнить, что происходило в последнее время – с Вадимом, с тобой. Что он говорил? Как себя вел?

Веки и губы Златы опухли от слез, теперь она была похожа на себя маленькую, но вряд ли осознавала это, как и Руслан, который никогда не видел ее в детстве.

– Знаешь, а я ведь и не могу ничего сказать.

– Почему?

– Я работала, – ответила она, поднимая на него глаза. – Надо было работать, чтобы покупать еду, оплачивать коммуналку, покупать Вадика лекарства. Ты же знаешь, что он перестал издаваться и получать гонорары. И он все хуже справлялся с реальной жизнью, не мог удержаться на нормальной работе. А у меня получалось зарабатывать, я могла. Я была успешной, продавала самые дорогие квартиры, я была лучшей!

И тут ее будто прорвало – она зарыдала.

Злата. Испуг

Как и обещал доктор, Злату вскоре выписали из больницы.

Календарь уже указывал на июнь, а термометр каждое утро напоминал, что этот июнь – жаркий.

После оформления выписки Злату увезли домой коллеги, присланные Мариной на машине агентства недвижимости «Студио М». Такая забота со стороны руководства показывала, что на Злату рассчитывают.

Провожатые понятия не имели, о чем говорить с вдовой, однако пытались поддерживать в дороге разговор.

– Я вчера дом продала, – похвасталась одна. – Прямо возле Нового кладбища... Ой!.. Злата, прости...

– А я запарилась с моей клиенткой, – попыталась сделать вид, будто бестактности не было, вторая. – Я ей полгода квартиры показываю, а она все носом вертит! Если не продам ей что-то на этой неделе – повешусь!..

Она осеклась, на том разговоры и прекратились.

На третий этаж Злату поднял на руках водитель, сотрудницы молча донесли вещи. После этого они убежали, даже не спросив, есть ли у Златы в доме еда.

В первую ночь она заснула около одиннадцати часов, а уже в сорок минут второго проснулась с тяжким ощущением послевкусия от нехорошего сна.

Неясный шум – шаги? скрипы? вздохи? – защекотался в ушах Златы.

– Кто здесь? – спросила она нарочито громко.

Тишина.

– Кто здесь? Уходите!

А звуки все гуляли по небольшой квартире, неприятно шипели в темноте.

– Уходите, я вызываю милицию! – пригрозила Злата. Шумы стали приближаться к спальне.

Злата села на постели, спустила ногу на пол, потянулась за костылем, решив, что будет обороняться им. Сидеть вот так, просто свесив ноги с кровати, было невыносимо. Злата с трудом встала и, неловко покачиваясь, направилась навстречу неизвестности. Идти было непросто, но она и не думала останавливаться.

Распахнула дверь в коридор. Тихо.

Заглянула в гостиную. Тихо.

Доковыляла до кухни – тишина. Так же пусто оказалось и в туалете с ванной.

На всякий случай Злата не погасила лампу в коридоре, но, вернувшись в кровать, она уже не сомневалась, что таинственные звуки ей приснились.

Оказавшись дома, Злата взялась за работу. Не потому, что Марина Марская послала за ней машину, чтобы привезти из больницы домой. Злата была рада возможности заняться привычным делом, и потом – это было просто, как чистить зубы!

«Какую квартиру вы хотите?..

У нас есть как раз то, что вам нужно...

Покупайте эту квартиру, потому что уже через неделю вы за ваши деньги и однушку не купите!..

Слышали, что с долларом творится? А курс нефти какой! Цена на бензин уже поднялась, значит, вырастет в цене и метр недвижимости».

Люди велись, они привыкли, что жизнь дорожает ежедневно. Падает доллар, растет ли, не важно. Все кончается одним – квартиры неизменно дорожают.

Лето все раскалялось. Злата впервые пожалела, что сэкономила на покупке кондиционера. В особенно жаркие дни она брала трубку от радиотелефона, мобильный, свои блокноты с записями и перемещалась на балкон, расположенный за уступом дома. Балкон был опутан виноградом, пропускавшим воздух, но не пропускавшим свет, поэтому солнце никогда не прогревало его так, как соседнюю комнату или кухню, выходящую окнами на юг.

На балконе стояло старое кресло. Постелив на него махровое полотенце, Злата сидела здесь часами, непрерывно треща по телефону и делая пометки в ежедневнике. Ближе к ночи она отставляла телефон и высовывалась на улицу.

Иногда она видела Руслана – с эрделем Шухером или с Ларисой. В гости к Злате он не напрашивался, но с готовностью останавливался под ее балконом, чтобы поболтать.

Надежда Ивановна. Новости

Из всех развлечений у Златы оставался только телевизор да недолгие визиты редких подруг. Эти самые подруги как-то не удерживались возле Златы, а причиной тому был Вадим. Не раз Злата слышала вопросы: почему она, активная, общительная и успешная девушка, вышла замуж за столь неопределенного типа – то ли писателя, то ли бездельника? На подобные вопросы Злата отвечала смехом и шутками, оставляя эту тему черной дырой в общении. Она не понимала, что тайны подобного рода для женского мозга – постоянный раздражитель, бороться с которым могут только невероятно сильные или катастрофически заикливающиеся на себе особи.

Рано или поздно Злата оказывалась перед выбором: рассказать правду, снова уйти от вопроса или что-нибудь соврать. Обычно она выбирала два последних варианта, потому что, выбрав первый, Злата выглядела бы в глазах подруг странной и жалкой, чего всегда боялась. Ясно, что ложь и расплывчатые ответы подпиливали дружеские отношения, и вскоре они рушились навсегда.

Время от времени из Испании звонила по скайпу мама. Ей всегда было что рассказать дочери. На удивление, даже городские новости достигали ее ушей раньше, чем Златиных. Самую шокирующую вещь она рассказала Злате буквально на днях.

– Ты помнишь нашу соседку тетю Зою? – спросила она дочь невозможно равнодушным тоном, что ясно говорило – у мамы в руках ждут своей минуты кролики.

– Конечно, – ответила Злата.

– Ну, она жила в двухкомнатной квартире напротив нас, – напонила мама, словно не услышав ответа дочери. – Ее муж погиб при взрыве бензоколонки. А ее Рома на девять лет старше Олежки и на десять лет старше тебя.

– Мам, я знаю!

– Что ты психуешь?! – Надежда Ивановна хотела озвучить свои новости максимально эффектным образом, ей не нравилось, что ее перебивают.

– Мам, ко мне сейчас должна одна девочка забежать, по работе поговорить...

Надежда Ивановна купилась на уловку:

– Ну ладно, тогда я быстро. Так вот, вчера я с тетей Машей Зинчуковой разговаривала, она к дочери приходила, а у дочери есть компьютер, и дочка нас соединила по скайпу. Маша мне и рассказала, что Зоя умерла. Но не просто умерла!..

– А как?..

– Ромка ударил ее табуреткой по голове! Да с такой силищей, что проломил бедной Зое череп. Ромка убежал, а она выползла на лестничную клетку, и там ее нашли соседи. Она только и успела рассказать, что случилось, а потом впала в кому. В больнице умерла.

Надежда Ивановна с чувством глубокого удовлетворения рассматривала лицо дочери. Злата словно бы замерзла на десяток секунд, полуоткрыв рот и расширив глаза.

– Ты вроде спешила куда-то? – напонила Надежда Ивановна.

Забыв изменить выражение лица, Злата кивнула ей и исчезла с монитора материнского компьютера.

Надежда Ивановна могла бы не тратить так много времени, напоминая Злате о соседке. Дочь и так хорошо помнила тетю Зою.

В дом, где жили Окуленко, тетя Зоя переехала в тот год, когда Злате исполнилось двенадцать лет. Лишь только вселившись в свою двухкомнатную квартиру, тетя Зоя пришла с дипломатическим визитом к соседям по площадке.

Надежда Ивановна познакомила ее с мужем, детьми и усадила пить чай в гостиной. Злата, любившая производить впечатление дочки-ангела, накрыла для чая журнальный столик, наполнила чашечки, принесла в вазочке печеньице. Курсируя между кухней и гостиной, она слушала рассказ тети Зои о ее судьбе.

Тетя Зоя и ее сын переехали в многоквартирный муравейник из собственного дома. Новая соседка рассказывала, каким замечательным и просторным был их дом, каким ухоженным двор, какие яблоки росли на ее яблоне. И сокрушалась, как неудобно жить в тесной двушке, нос к носу с посторонними людьми.

Проданный прекрасный дом построил муж Зои Степановны за год до собственной кончины, случившейся лет пять назад. При жизни он заведовал заправкой, откуда и происходило благополучие его семейства. Увы, но пять лет назад на заправке мужа случился взрыв, он погиб, оставив жену вдовой, а с ней и сына-подростка Романа.

Смерть главы семейства сильно отразилась на Романе, как справедливо считала тетя Зоя. При жизни отца, славящегося крутым нравом, парень был скорее тихоней, и притом забитым тихоней, а как только отцовская длань перестала нависать над его загривком, Ромка пустился во все тяжкие. Он связался с дурной компанией, стал водить девок, пить, курить, драться.

Тетя Зоя, обожавшая сына до колик, управы на него не находила, а сын скатывался все глубже в пропасть. Стал воровать из дому вещи, участвовать в нападениях на людей – отбирать деньги. А деньги шли на гулянки и наркотики.

Наконец случилось страшное: компания Романа забила до смерти паренька, а его девушку, которая не позволила с собой обойтись так, как хотели пьяные парни, мерзавцы изуродовали – порезали лицо ножом.

Преступников вычислили быстро, так как их деяния наблюдала половина улицы. Смельчаков заступиться за молодую пару не нашлось, люди лишь вызвали милицию. Убийц поймали неподалеку от места преступления.

– Но и тут мне повезло, – умерив звук своего голоса, рассказывала тетя Зоя. – Следовательно, что дело вел, предложил мне помощь...

Надежда Ивановна, как впоследствии она признавалась мужу, слушала соседку, поражаясь ее неосмотрительности: как можно рассказывать едва знакомому человеку о таких вещах! Но тетя Зоя все продолжала вытряхивать грязное белье, она считала, что криминальная история добавляет ей авторитета в глазах новой знакомой.

– Когда он сказал, сколько это будет стоить, я, конечно, отказалась. Говорю следователю: да пусть он лучше сидит, мерзавец такой! Но потом подумала... сыночек ведь. И муж мой, хоть и был человеком строгим, скорее всего, так бы не поступил: отлупцевал бы Ромку, но от тюрьмы бы откупил! Я и продала дом.

Эту часть рассказа любопытная Злата подслушивала преднамеренно, затаившись у шкафа в прихожей. Никогда в жизни она не слышала таких историй раньше, но больше всего потрясла ее финальная часть откровений тети Зои:

– А тут же еще такое дело: за полгода до той драки Ромка нашел себе бабу, собрался с ней дунуть в Пензу. У нее там семья, отец, мать. А я-то как же?! И так я переживала, что он сбежит и меня бросит, что просто на стену лезла! – Она замолчала, допила чай и сказала: – А теперь он никуда не денется! Я его теперь крепко держу. Так ему и сказала: если ты, Роман, чего отмочишь, так сразу же сдам тебя в ментуру!..

Злата. Выздоровление

Прошло еще несколько дней, и Злата избавилась от гипса. Руслан снял его самолично, прямо на кухне Златиной квартиры.

Давлетов внимательно и, как показалось Злате, с облегчением осмотрел ее освобожденную ногу, не обращая внимания на смущение пациентки: нога поросла уродливыми длинными волосинками, мышца икры пугающе усохла, отчего голень казалась кривоватой. На память о травме остался тонкий, еще красный послеоперационный шрам.

Сильные, сухие и теплые руки хирурга проверили подвижность голеностопного сустава. Удостоверившись в хорошем состоянии сросшейся конечности, Руслан с улыбкой резюмировал:

– Здоровая задняя лапа. Вижу, немного сухожилие атрофировалось, но это мелочи. Скоро все наладится, сгладится и отладится.

Злата чуть заметно поджала губы, не одобряя его игривого настроения. Руслан намекнул, что избавление от гипса следовало бы обмыть, но она сделала вид, будто не поняла его. Слегка разочарованный, доктор удалился. Изувеченный кусачками панцирь гипса он унес с собой, пообещав, что отнесет его в областной краеведческий музей.

Давлетов оказался прав: все отлаживалось и налаживалось. Жизнь возвращалась в свою колею, нога восстановилась без всяких последствий. Даже от шрама на щиколотке почти не осталось следа. Удаляя волосную поросль на ноге депилятором, Злата рассматривала место перелома, удивляясь столь быстро возвратившемуся ощущению здоровья – будто и не было операции и трех недель в гипсе.

Уже на следующий день после избавления от гипса она вышла в магазин. Потом стала ездить в офис. Все было хорошо, и только одна вещь беспокоила Злату: время от времени где-то в уличной толпе, на дорожном переходе, в очереди у банкомата, в проезжающем транспорте возникал на мгновение кто-то, очень похожий на ее мужа.

Это было мимолетно, неуловимо. Догнать этого кого-то, похожего на Вадима, не было никакой возможности – он мелькал слишком далеко, слишком быстро. Злата убеждала себя, что муж ей просто мерещится.

Злата. Подозрение

Такой жаркий июнь, как в этом году, был редкостью даже для южного Гродина. Потеть народ начинал, еще только собираясь на работу. Уже с утра в троллейбусах и автобусах накапливались запахи духов, лосьонов, туалетной воды, а также пота и разгоряченной, не всегда мытой кожи.

Злата, у которой не было машины, умирала от безразличия каждый раз, входя в транспорт. Она даже стала выходить из дому на пятнадцать минут раньше, чтобы добираться до офиса «Студио М» пешком.

– Злата, я рада, что ты вернулась на работу, – сказала Марина, встретив свою подчиненную в коридоре агентства.

Выразительная грудь Марины была ободряюще приподнята.

– Спасибо.

Злата хотела улыбнуться начальнице, но передумала. Вместо этого она достала из папки, которую держала в руках, листок бумаги.

– Что это? – спросила Марина.

– Это заявка на продажу, я из базы взяла.

Марина взяла листок в руки, вгляделась в описание квартиры.

– Клиентка попросила лучшего риелтора, – объясняла тем временем Злата. – Она развелась с мужем, и ей придется делить с ним деньги от продажи квартиры, значит, продать надо хорошо. А я слышала, что Анька Кулькина взялась за продажу. Но она не продаст, ты же понимаешь. У нее нет опыта работы с VIPами...

– Сто пятьдесят квадратов, центр, – читала с листочка Марина.

– Да, и пять миллионов цена, – добавила Злата. – Ну куда Анька лезет?

– Дизайн, встроенная мебель...

– Анька водила туда уже пятерых клиентов, они не дали залог. А я точно знаю, кому продам эту квартиру. Мой клиент точно купит.

– Две лоджии, вид на парк Менделеева... – Директор агентства подняла на Злату карие глаза. – Ты знаешь, что у нас так не принято? Я не хочу конфликтов в коллективе.

Марина вгляделась в лицо Златы. В выражении этого лица было как раз то, что она ценила превыше всего, – кураж.

– Ладно, – грудь Марины одобрительно качнулась, – бери ее, я с Аней объяснюсь.

Квартира произвела на Злату хорошее впечатление. Бродя по наборному паркету мимо цветочных фресок на стенах, заглядывая в комнаты, где стояла итальянская мебель, цена которой соответствовала стоимости Златиной квартиры, она прикидывала тактику продажи.

Вышла на лоджию, оценивая открывающийся вид – он был безупречен. Никаких соседних домов с нагло вытаращенными окнами-гляделками, никаких ресторанов поблизости, железной дороги или других неожиданностей – тишь да гладь, да божья благодать. Риелтору это давало преимущества при продаже.

Единственный дом, окна которого можно было разглядеть, стоял метрах в пятидесяти, через дорогу, и был развернут полубоком. Панельная убогая восьмизэтажка, квартиры в которой стоили в два раза дешевле любой норы в доме, в котором сейчас находилась Злата.

Как раз напротив лоджии, на которую вышла Злата, на балконе стоял человек. Прищурившись, Злата рассмотрела молодого мужчину с темными волосами, отросшими до плеч. Ветер трепал волосы, и в том, как парень пятерней отводил от глаз длинный чуб, Злата узнала жест своего покойного мужа.

Вадим так же, как и незнакомец на балконе, манкировал посещением парикмахерской. Находясь в хорошем настроении, писатель зачесывал волосы ото лба назад, а в плохом – смотрел на Злату сквозь спутанную густую бахрому.

Злата заметила, что и футболка на парне была такая же, как та, которую постоянно носил Вадим.

Тот, кого она так пристально разглядывала, вряд ли мог видеть ее саму сквозь затемненное стекло лоджии, поэтому Злата рассматривала его до тех пор, пока ноги не понесли ее к выходу из квартиры. Осмотреть квартиру она могла позже, гораздо интереснее увидеть двойника погибшего мужа вблизи.

Уже добежав до двери, Злата вернулась на лоджию – ей надо было определиться с расположением квартиры, на балконе которой стоял знакомый незнакомец. А он тем временем закурил и приложил к уху мобильный. Трубку парень держал плечом, а сигарету – в вытянутой руке, словно бы его раздражал запах табака. Злату передернуло: Вадим именно так и делал.

Найти ту самую дверь на лестничной площадке ей, опытному риелтору, было несложно. В прежние времена, когда она еще не доросла до продажи ВИП-недвижимости, Злата сбагрила, наверное, с десятков квартир в таких же панельках. Балкон этот, без сомнения, принадлежал однокомнатной квартире, а дверь в нее вела та, что находилась как раз напротив двери лифта.

– Вы к кому?

Дверь открыла хорошенькая девица, на вкус Златы – из породы дешевочек и неудачниц. Злата с осуждением осмотрела крашенные в рыжий цвет волосы, торчащие ресницы и нарисованные поверх выщипанных бровей карандашные линии, длящиеся от самой прыщавой переносицы до висков.

– Мне нужно поговорить с мужчиной, которого я видела на балконе вашей квартиры, – сообщила она.

Девица злобно уставилась на гостью:

– С каким мужчиной?

– Кто здесь живет? – Злата пыталась сохранять спокойствие.

– Я.

– Одна?

– С мамой.

– Где мама?

– На работе.

Девушка все сильнее нервировала Злату.

– Дайте я посмотрю! – сказала она и отодвинула девицу со своего пути. Это было нетрудно, потому что Злата была выше девицы на целую голову.

– Вы чего? – неестественно громко возмутилась та. – Да куда вы претесь? Валите отсюда! Квартира была однокомнатная, требующая ремонта.

«Девятьсот тысяч, торг», – скривилась Злата мимоходом.

На кухне никого не было, в комнате – тоже.

– Да иди уже отсюда! – пищала девица, бегая следом за Златой. – Уходи! Уходи!

Она словно забыла другие слова.

Злата рванула на кухню, девица вцепилась в рукав ее футболки. Хлопнув ее по белой, усыпанной родинками руке, Злата распахнула дверь и оказалась на балконе. Тут тоже никого не было.

Девица выскочила следом за Златой.

– Где он? – спросила Злата.

– Кто?

– Хватит дурака валять!

Произнося эти три слова, она увидела на допотопном полированном столе-тумбе пирамиду, сложенную из коричневого, отделанного под крокодилью кожу бумажника, пачки сигарет Winston и дешевой зажигалки синего цвета.

Губы Златы произнесли имя:

– Вадим...

– А! – возопила девица торжествующе. – Так тебе муж изменяет!.. Так тебе и надо, стерва! На ее рожице отразилось злорадование.

Злата пнула девицу в плечо своими твердыми длинными пальцами с такими же твердыми и длинными ногтями, а потом ушла.

Злата. Объяснение

– Вы же патологоанатом? – спросила Злата у высокой женщины лет пятидесяти, с модной стрижкой. – Ирина Алексеевна?

– Патолог, – поправила женщина.

Злата с облегчением вздохнула. С большим трудом она разобралась, где ей искать того человека, который проводил вскрытие Вадима. Обошла половину больницы, прежде чем нашла гистологическое отделение, морг и Ирину Алексеевну Измайлову.

Пахло в этом отделении тошнотворно, и Злата боялась, что сейчас откроются двери, и санитары ввезут на каталке мертвое тело. Труп.

Выбросив из головы эти мысли, она, достав из сумки последнюю фотографию Вадима, сделанную кем-то случайно, обратилась к Ирине Алексеевне:

– Скажите, вы этого человека... ну...

– Я не понимаю, – равнодушно произнесла Ирина Алексеевна. – Вы откуда?

– Я неоткуда, я его жена... вдова.

– А в чем проблема? Диагноз оспариваете?

Патолог держалась настороженно, а Злата все никак не могла найти нужные слова.

– Нет, с диагнозом все хорошо. – Злата поняла, что говорит глупость. – То есть не в этом проблема.

– Да, а в чем?

– Мне просто нужно знать, помните ли вы, что вскрывали его?

– Вы о состоянии моей памяти беспокоитесь? – поинтересовалась Ирина Алексеевна.

– Нет, но...

– Если вы доходчиво объясните мне, почему задаете такие странные вопросы, то я помогу вам.

– Хорошо. – Злата сосредоточилась. – Мой муж покончил с собой, а потом я попала в аварию. И я не была на его похоронах, а хоронил его один наш знакомый, ваш хирург. А вчера я видела моего мужа в городе...

Выражение лица Ирины Алексеевны изменилось.

– Я понимаю, – сказала она мягко. – Пойдемте в мой кабинет, я вам чайку налью. Надо чаю попить, хорошо?

Злата кивнула.

– Вообще-то я не все аутопсии провожу, – пояснила Ирина Алексеевна, налив Злате обещанного чаю.

Она села за свой рабочий стол, на котором стояли микроскоп и старинный монитор с кинескопом. Взяла из рук посетительницы фото и стала его рассматривать.

Перед Златой стояла чашка с чаем, но пить его в этом кабинете, с проникающими из коридора запахами, не хотелось.

– И как он покончил с собой? – спросила патолог.

– Повесился.

– Ужасная смерть... Тяжелая. А парень симпатичный, лицо волевое. Странно, что он так поступил.

– Да, – согласилась Злата.

– А кто этот ваш знакомый хирург? – Ирина Алексеевна достала из нагрудного карманчика узкие хищные очки и нацепила их на свой маленький носик, завершающийся шариком.

– Руслан Давлетов.

Патолог посмотрела на нее поверх оправы очков и снова сосредоточилась на фото.

– Знаете что, – сказала Ирина Алексеевна задумчиво, – вы мне оставьте снимок, я покажу его нашему второму патологу... Стоп. А как зовут вашего мужа? Я же могу в списках посмотреть!

– Вадим Юрьевич Козырев.

Ирина Алексеевна отодвинула микроскоп и подтянула к себе клавиатуру компьютера. Злата принялась за чай. Спустя минуту патолог сказала:

– Да, он числится в списках... Это не мой клиент, а Скороспелова. Так что...

Она хотела сказать, что можете не сомневаться, ваш муж умер, но вдруг подумала, что прозвучит это, мягко говоря, бестактно.

– Как мне найти Скороспелова?

– Он у нас на больничном. Оставьте фото и свой номер телефона. Я перезвоню.

Из больницы Злата выходила уже вечером, в тьму летней ночи, пахнущую автомобильными газами, остывающим асфальтом, пылью и совсем немного самим летом. Она чувствовала себя измотанной. После встречи с рыжей девицей Злата вернулась на работу, а после работы заехала домой, взяла фотографию Вадика и приехала сюда.

Злата стояла на остановке, когда рядом с ней на обочине притормозила выдавшая виды «тойота». Водитель, наклонившись к окошку, окликнул ее.

Она узнала Руслана.

– Что ты тут делаешь? – поинтересовался он.

– Квартиру рядом показывала.

– Подвезти?

Не сразу, но Злата согласилась.

– Квартиру показывала? – переспросил Давлетов, когда машина тронулась с места.

– Да.

– А медсестра Лариса, которая о тебе три недели заботилась, видела тебя в больнице.

– Ей показалось.

– Не думаю.

Руслан говорил шутливым тоном, за которым скрывалась твердость.

– Я и сам тебя видел. Возле гистологического отделения. Что случилось?

– Ничего.

– Злата, ты выясняешь, от чего умер Вадим?

– Нет.

– Тогда что?

Злата молчала.

Через несколько минут Руслан спросил безо всякой связи с темой разговора:

– Почему Вадим повесился?

Словно застыв, она смотрела прямо перед собой.

– Что произошло? Ты изменила ему?

Злата перевела взгляд на доктора с таким выражением, будто увидела перед собой нечто отвратительное, вроде раздавленного таракана. Доктора это не остановило.

– Вадик покончил с собой из-за тебя! – Он повысил голос. – Ты работала, а он – нет. Ты кормила, одевала, ты подчиняла его, а он не мог сопротивляться ни тебе, ни жизни. Он не мог быть таким, как все. Он не мог бороться с людской грязью. Рядом с тобой он чувствовал себя тряпкой, а не мужиком. И наконец дошел до крайней степени: он узнал, что ты нашла другого!..

– Ерунда! – выкрикнула Злата. – Что ты знаешь? Да, я сильный человек! Да, я что решу, то и сделаю! Да, я заботилась о Вадике, любила его, была готова ради него на все. Но я не подавляла его, ничего подобного! И никогда в жизни не изменила бы ему! Никогда!.. – И добавила почти спокойно: – А вот что он делал, пока я работала ради него? Что он делал целыми днями?..

– И что он делал? – спросил Руслан. – Ты хотела узнать это в гистологии?

– Может быть!

– Да? – Тон его был язвителен.

Зависла небольшая пауза, а потом она сказала:

– Я хотела узнать, на самом ли деле Вадим умер, или ты разыграл это представление для меня?

Руслан забыл о дороге, уставившись на Злату с изумлением.

– Я видела его в городе:

Теперь его тон изменился.

– Почему ты не сказала мне, а пошла в морг?

– Руслан, я знаю, – ответила Злата, глядя прямо ему в глаза, – что вы с Вадимом говорились. Он нашел себе другую влюбленную в него дурочку, такую, чтобы не подавляла его. Такую, чтобы рядом с ней он чувствовал себя мужиком. Я видела ее, говорила с ней. Я видела в ее квартире бумажник, сигареты и зажигалку Вадима. Он всегда складывал их пирамидкой – ровненько, аккуратненько. И у нее – пирамидка. Это он, я точно знаю. А она... – голос Златы сорвался и фразу она закончила шепотом, – никуда не годится, но разве это важно, если ты чувствуешь себя рядом с ней мужиком?!

Руслан притормозил, свернул на небольшую стоянку возле закрывшегося на ночь магазина одежды, остановил машину и заглушил мотор.

– Злата, я даже не предполагал, что ты так отреагируешь на его смерть. Ты до такой степени любила его? Я был с ним, когда он умирал. Реанимацию проводили до последнего. Понимаешь, он умер, это случилось.

Она заплакала.

– Люди часто видят тех, кого потеряли. На улицах, в транспорте... Это нормально, так или иначе это происходит со всеми. Мы тоскуем и вызываем их из памяти. – Руслан притянул Злату к себе. – Ну все, не плачь...

От слез Златы рубашка на груди доктора сразу же промокла.

Часть вторая

2001 год, май

Солнечный луч, широкий и сильный, освещает и захватывает все большую площадь пола. В спальне родителей беспорядок, на полу валяется что придется: башмак брата, попавший сюда непонятным образом, журнал мод, мамина лаковая сумочка, бумажки, надетые носки, фонарик...

Она плачет все горше. Слезы щекожут лицо, это неприятно.

В коридоре слышатся шаги. Это он, больше некому.

Дверь открывается. Парнишка в измазанной кровью одежде замирает на пороге...

Его продолжает тошнить, голова болит все сильнее. Вчера, пожалуй, он впервые в жизни выпил так много пива. Обычно Вадим намного сдержаннее, потому что алкоголь плохо влияет на него: он начинает впадать в тоску, и ничего уже не помогает. Мама тоже это заметила, она просила Вадика постараться не пить так много, и он был согласен с матерью.

Вспомнив о маме, Вадим ужасается: она, наверное, не спала всю ночь! Наверное, искала его, бегала по району. Надо скорее идти домой.

Девушка, привязанная к стулу в середине комнаты, пытается кричать, но ей мешает байковый пояс от халата, завязанный на затылке тугим узлом. Пояс удерживает ее крик, но парню от этого ничуть не легче.

Вадим приближается к ней, она начинает биться в своих путах. Он подходит, она утихает, он опускается перед ней на колени. Видит ее вблизи. На его глазах – слезы.

– Что случилось? – спрашивает он. – Что тут было? Что с тобой произошло?..

Злата не может ответить, ей мешает пояс, перетянувший рот. Вадим невольным жестом протягивает руку, чтобы развязать узел на ее затылке, но она вздрагивает так сильно, что Вадик отскакивает назад...

Злата дрожит, несмотря на жару. От них обоих пахнет медью и кровью. Его рубашка и майка под ней в коричневых пятнах, ее блузка – тоже. На них кровь Олега, они оба понимают это.

Вадим не смотрит ей в лицо, ему страшно. Он боится и смотреть, и говорить, ведь придется сказать про Олега. Судя по пятнам крови на блузке, Злата знает, что ее брат мертв. А если не знает? Как это сказать? «Олег убит», или «Твой брат погиб», или «Олег весь в крови лежит в соседней комнате»? Надо ли сказать что-то успокаивающее? И помогут ли такие слова в этой ситуации? Она заплачет, может, закричит, а Вадиму и так страшно.

Вадик возится с узлами невозможно долго. Наконец ему удается развязать тот узел, что на шее Златы. Пояс от халата, которым был завязан рот девушки, падает на пол.

Злата жадно вдыхает ртом воздух, но не спешит говорить.

Все так же долго он возится с узлами на руках и ногах Златы. Удивительно, как сильно можно затянуть узлы на поясах от обычной одежды. Но вот и эти узлы поддаются.

Вадим поднимает голову. Он не знает, что теперь делать. Вызвать милицию?..

– Олег убит, – вдруг говорит Злата.

Она шепчет, но Вадик кажется, будто Злата кричит.

– Я видел, – отвечает он. И добавляет испуганно: – Кто это сделал? Кто тебя связал?..

Ответ звучит так странно для него, что Вадим не сразу понимает слова, сказанные Златой:

– Это сделал ты!

Сначала он даже не понимает, о чем речь. Не может же быть такого, чтобы он, Вадим Козырев, хороший парень, почти отличник, мог убить своего лучшего друга Олега и изнасиловать его сестру! Он спал всю ночь. Он выпил лишнего вечером с друзьями.

– Вадим, – губы Златы напоминают ему дольки очищенных грейпфрутов. Поперечные маленькие морщинки на них – как маленькие капсулки с соком, из которых состоит долька, а кожа на ее губах такая тонкая, что кажется, при неловком прикосновении она лопнет. – Вадим, ты сделал это во сне, я видела. Ты шел как робот, ты так ужасно смотрел перед собой! Будто в тебя вселился чужой дух! Правда! – Злата закусилась свою грейпфрутовую губку.

Вадим подумал, что сейчас из нее брызнет сок. Девушка всхлипнула и заговорила снова:

– Ты подошел ко мне, а я испугалась и стала отступать. Олег как раз вернулся домой, он попытался тебя остановить, но ты его оттолкнул. И выпал нож. Ты поднял его и три раза ударил им Олега!

– Что ты говоришь! – шепчет Вадим. – Это же какой-то бред!

– Вадим, я все это видела. Потом ты напал на меня... – Она переводит дух. – Ты сделал это и привязал меня к стулу. И ушел.

– Я сделал это?..

– Да! – Она снова плачет. – Если бы ты просто попросил меня, я бы согласилась. Но ты так грубо... И смотрел на меня как зомби из фильма ужасов! Я понимаю, ты – лунатик. Я читала о них.

– Нет, это неправда!

– Я видела!

Вадим смотрит ей в глаза, испытывая легкое головокружение. Он не знает, последствия ли это вчерашнего перепоя, или слова Златы и ее глаза влияют на него так сильно? Ему просто плохо, и думается от этого совсем тяжело. Не думается.

– Вадим, – зовет она.

Ее взгляд перескакивает с его правого глаза на левый и назад. Она смотрит на его губы. Снова на глаза. Она словно подгоняет его сделать или сказать что-то, но что – Вадик не понимает. И не хочет понимать. Головная боль нарастает, и он начинает злиться.

– Это неправда. Ты врешь!

– Не вру. – В ее голосе нет сомнения. – Вадик, я никому не скажу.

Он опрокидывается назад, падает на задницу. От небольшого сотрясения тазовых костей боль в голове становится ужасной. Вадик закрывает лицо ладонями. Ему страшно.

Он чувствует прикосновение ее легких рук к своим плечам. Они скользят, он ощущает ее объятие.

– Я никому и никогда не скажу, что ты сделал. Пусть режут меня, я не скажу! Я даже придумала, на кого это свалить. Все поверят, правда! – Она пахнет собой, своим женским запахом, немного пудрой, немного выветрившимися материнскими духами. – Я никому не позволю тебя обидеть. Я клянусь.

– Это же Олежка, – плачет он. – Это же твой брат...

Она лишь крепче прижимает его к себе.

Наши дни

Лариса. Разочарование

Прежде ее никто не обманывал.

Лариса знала, что все дело в ее отличном инстинкте, подсказывающем правильные решения в отношении подруг и мужчин. Она почти с первого взгляда умела понять, будет ли эта девочка ей завидовать, будет ли говорить гадости, попытаться уколоть, отомстить за то, что она, Лариса, была красивой, благополучной и достаточно умной, чтобы ее любили люди.

Она вмиг распознавала, окажется ли встреченный ею парень жадным мерзавцем, который будет говорить ей в глаза одно, а за глаза – другое. Станет ли он заигрывать с ее приятельницами и погуливать при удобном случае, будет ли унижать и обижать Ларису.

И как она могла ошибиться с Русланом, было совсем непонятно! Она чувствовала в нем человека с чистым сердцем. Он нравился ей, даже несмотря на его многочисленные романы.

Это разные вещи, чувствовала она. Руслан любил женщин, но, предпочитая отношения непостоянные, выбирал для себя тех, чье сердце он не мог бы разбить по определению.

Взять, к примеру, Лилию, ординатора из неврологии. Лилия была нацелена на карьеру, можно было не сомневаться, что спустя пару десятков лет она возглавит больницу. Руслан был для нее разнообразием в серых буднях, просто любовником без матримониальных перспектив, удовольствия ради.

Или Маша Крылова. Та была замужем за богатым оборотом, вредным, но щедрым. Маша одевалась лучше всех в больнице, даже лучше жены главного врача. Понятно, что иногда Маше нужно было подышать свежим воздухом, если вы понимаете, и Руслан был для нее форточкой.

Лариса чувствовала, что лично у нее с доктором Давлетовым совсем другие отношения. С ней, простой медсестрой, он держался почти робко, был изумительно, трогательно ласков. И искренен.

Их отношения почти целый год напоминали жеманный, но забавный менуэт в то время, когда танцующие изнемогали от взаимного острого желания. Лариса не делала первый шаг, потому что не делал первый шаг Руслан. А он не позволял себе приблизиться к ней, опасаясь, что не готов к серьезным отношениям.

Когда все произошло, они оба поняли, что вот это и была та самая любовь, которую они оба так долго ожидали.

Но вдруг что-то переменялось.

Сначала он стал нервным и суетливым, перебивал сам себя, задумывался о чем-то, некстати выходил в другую комнату позвонить. В его словах и поступках появилась несвойственная прежде раздражительность, хоть он и не позволял себе срываться на Ларисе. Она стала спрашивать, что произошло и нужна ли помощь, но Руслан всегда отвечал: все в порядке.

Да уж, вспоминала со злой иронией Лариса, в порядке! Следом за первым периодом охлаждения, а ведь этот раздражительно-суетливый период знаменовал не что иное, как охлаждение, наступил период второй. Руслан стал пропадать. Он отменял свидания, опаздывал на них, а причин не объяснял. Каждый раз, когда Лариса пыталась поговорить с ним по душам, ее мужчина снова становился собой, но длилось это недолго. Утром он был ласков, днем на работе изображал тайную бразильскую страсть, смеша Ларису невозможно потешными выходками, а вечером снова пропадал где-то.

А тут еще и эта самая Злата, вдова друга Руслана, появилась – не развалилась.

Лишь только Лариса увидела голубоглазую девицу в гипсе, как тут же поняла, что в душе Злата – самодовольная фифа. Это не имело особого значения, ведь Лариса была профессионалом, а пациенты всякие встречаются. Это не имело значения до тех пор, пока Руслан, покидая палату вдовы писателя, не стал говорить такие вещи:

– Не понимаю я пациентов, хоть режь, все ноют и жалуются. Им назначено лечение, о них заботятся, следят за их состоянием, чего капризничать?

– Ты, видно, не болел никогда, кукусеночек, – отвечала ему в таких случаях Лариса. – Врачи часто думают, что они не могут заболеть.

Но вот когда доктор заговорил о том, что Злате нужен особый уход и повышенное внимание, Лариса посмотрела на блондинистую пациентку совсем под другим углом зрения. Почему Руслан проводил с ней больше времени, чем с другими пациентами? И почему он хранил ее карту у себя – в своей папке, которую либо постоянно носил с собой, либо оставлял в машине. Даже во время операций он прятал свою потаенную папку так, чтобы никто ее не обнаружил в его отсутствие.

Лариса замечала это, потому что как можно было такое не видеть? Но до поры до времени все замеченное она оставляла без внимания. Она по-прежнему доверяла своему мужчине, полагая, что любить, не доверяя, невозможно.

Но однажды он сказал:

– Нам надо расстаться. Ты должна меня простить, это важно.

Просто открыл рот и сказал это, будто не понимая, что режет Ларису без ножа. И не потрудился объяснить, с какого перепугу она должна вдруг взять – и перестать его любить!

И вот после этого Лариса стала за ним следить.

Злата. Преследование

Злата уже знала, кому она продаст квартиру возле парка Менделеева. Ставку она сделала на сына «Гродинбанка», которому папа уже покупал в свое время однокомнатную квартиру в агентстве «Студио М». Сейчас сынок подрос, ему требовалось более шикарное жилье, и Злата об этом знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.